

Ким Ёнсук • Ким Сунгиз «Истории культуры»

Демоны

Останься со мной

18+

Хиты дорам

Ким Ынсук

Демон. Останься со мной

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Ынсук К.

Демон. Останься со мной / К. Ынсук — «Издательство АСТ»,
2017 — (Хиты дорам)

ISBN 978-5-17-153164-5

Ынтхак с самого рождения предначертано стать невестой Гоблина. Девушка сумела прикоснуться к проклятому мечу и теперь может разрушить ужасные чары. Вот только хочет ли этого Гоблин? Особенно сейчас, когда за Ынтхак начинает охотиться сама Смерть. Сможет ли Гоблин защитить свою любимую? И какова будет цена? А тем временем заклятый враг Ким Сина уверенно плетет паутину обмана. Осуществится ли его коварный план? Герои столкнутся с тайнами своего прошлого. Что их связывает – Мрачный Жнец и хозяйка закуской? А вдруг Жнец вовсе не тот, кем себя считает? Героям предстоит сделать сложный выбор, но приведет ли он к счастью? Долгожданное продолжение захватывающей истории о вечной любви...

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-153164-5

© Ынсук К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ким Ынсук, Ким Суён

Демон. Останься со мной

#####-###

DOKEBI Novel 2

By Kim Eun Sook, Story Culture Kim Su Yeon

Copyright © 2017 Kim Eun Sook,

Story Culture Kim Su Yeon

All rights reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2023.

Russian language edition arranged with RH Korea Co., Ltd. through Eric Yang Agency Inc.

© Пахомова В.А, Стефаненко О.В.,

Москвичева Т.В., перевод на русский язык, 2021

*Лишь только невеста демона сможет освободить тебя от меча.
И когда меч будет извлечен, ты сможешь вернуться в Ничто и там
обрести покой.*

Родился мальчик. Отец его, король, на тот момент уже был мертв, а мать, женщина низкого происхождения, заболела и умерла вскоре после родов. Власть принадлежала его старшему брату, ближайшему взрослому родственнику короля. Ребенка нарекли именем Ё.

Юному наследнику были недоступны радости детей, живших за пределами дворца, в то же время он не имел никакой политической силы и не было при дворе никого, кто встал бы на его сторону. Только Пак Чжунхон, ученый конфуцианской коллегии и наставник наследника, опекал молодого короля, но забота его не была искренней. Пак Чжунхон контролировал все: книги, которые читал Ван Ё, одежду, которую он носил, еду, которую подавали ему на стол.

Странные вещи стали происходить с появлением ребенка. Племянник короля, который должен был взойти на престол следующим, умер. Наследные принцы, пытавшиеся узнать причину его гибели, – тоже. Всех их поражала та же болезнь, что убила короля-отца. Лишь много лет спустя мальчик узнал, что все они были отравлены.

Глава 1

Связь

Настал момент, когда и новый король, старший брат Ван Ё, оказался на пороге смерти.

Всю ночь из королевской спальни раздавался хриплый кашель. Сколько ни пил он целебных отваров, которые придворные дамы подносили ему, болезнь становилась только сильнее. Изможденный король знал, что конец его близок, но его не покидало беспокойство за младшего брата. В последний момент король призвал к себе молодого воина, самого верного из своих подданных. Ким Син явился на его зов.

– Король и наследные принцы преждевременно скончались, теперь Ван Ё останется совсем один. Если он взойдет на престол, выдай свою сестру за него замуж и защищай его.

Ким Син ничего не сказал в ответ.

– Сделай так, чтобы он шел верной дорогой, убереги его от ошибочных решений, но главное – не дай ему погибнуть. Присматривай за ним так, чтобы он этого не заметил. И... прости своего государя за такую просьбу.

Ким Син угрюмо кивнул головой. Он хорошо чувствовал, какая тяжелая атмосфера царила во дворце, и понимал, почему король дал ему такое поручение. Король снова зашелся мучительным кашлем. Видеть своего государя в таком состоянии Ким Сину было горько. Он встал на колени и склонился перед королем:

– Будет исполнено.

Король умер, и юный Ван Ё взойшел на трон так быстро, что ему, как говорится, даже королевский ханбок не успели подшить. Тогда ему было всего семь лет. Веренице министров, падавших ниц перед новым государем, казалось, не будет конца. Со своего возвышения ребенок потрясенно наблюдал за торжественной церемонией. В воздухе звенели голоса министров, желавших ему долголетия и доброго здоровья. Пак Чжунхон стоял ближе всего к королю, на почетном месте министра, и победно взирал на чиновников сверху вниз.

Не имея возможности самому стать правителем при живых наследниках, он собственными руками вырастил короля и посадил его на трон. Все в этом мире лежало у ног Ван Ё, а сам он – у ног Пак Чжунхона. Король принадлежал ему.

Шло время, и Ван Ё вступил в брачный возраст. Пак Чжунхон хотел укрепить королевскую власть, поэтому выступал против женитьбы короля на дочери военного, однако даже ему, получившему теперь почти безграничную власть, было сложно идти против воли покойного

короля. А значит, свадьба Ван Ё с Ким Сон, младшей сестрой Ким Сина, должна была состояться.

Ким Сон была аккуратна и мила, и пусть никто не назвал бы ее ослепительной красавицей, она выросла в любящей семье и обладала особым очарованием: от одного взгляда на нее улучшалось настроение. Всем в столице было известно, как привязан к своей сестре Ким Син, все свое время проводивший в военных походах, как он оберегает ее. От мысли о том, что нужно отдать любимую сестру во дворец, где всем заправляет Пак Чжунхон, у Ким Сина сердце было не на месте.

Сестра, совсем еще юная и наивная, ничего не понимала, но невероятно беспокоилась, ожидая встречи с королем. Даже строгость придворных дам, которые прибыли в дом Ким Сина, чтобы подготовить юную невесту к переезду и обучить ее укладу жизни во дворце, не могла унять ее волнения.

Ким Сон медленно шагала по двору с фарфоровыми чашами, наполненными водой: две чаши были у нее на плечах, а одна – на голове. Под свирепыми взглядами дворцовых дам каждый шаг давался ей с трудом. Слуги дивились тому, в каком замешательстве пребывала госпожа и как это отличалось от ее обычного поведения, и хихикали, спрятавшись за колоннами. Услышав сердитые окрики придворных дам, слуги разошлись. У Ким Сон тоже вырвался смешок, когда она подумала о том, как нелепо смотрится с этими чашами. Придворные дамы приняли еще более суровый вид, но вдруг Ким Сон почувствовала на себе другой взгляд, незнакомый.

– А?

Юноша стоял по другую сторону низкой ограды дома. Их взгляды точно переплелись, и, в смятении потеряв равновесие, Ким Сон уронила разом все чаши. Они разбились с громким звоном, засыпав все вокруг осколками. Черепки валялись на земле, но девушке было не до них: гораздо больше ее интересовал этот незнакомый юноша в одежде из черного шелка. Он удивился и слегка нахмурился.

Это был Ван Ё. Он тайно покинул дворец, чтобы увидеть ту, что станет его королевой. Он собирался лишь украдкой посмотреть на нее, но залюбовался очаровательной девушкой, стоявшей в окружении придворных дам, и в итоге нечаянно встретился с ней взглядом. Заглянув в ее светлые, ясные глаза, он почувствовал, что пропал. Его сердце забилося чаще, и, не сумев скрыть смущения, Ван Ё опустил голову и поспешил удалиться под звон бьющегося фарфора.

Ким Сина, который наблюдал за всем этим со стороны, снедала тревога.

И вот настал день, когда Ким Сон должна была прибыть во дворец. Придворные дамы и воины выстроились в ряд спереди и позади паланкина. Длинная процессия следовала по улицам, и народ почтительно расступался, давая дорогу.

Сидя в трясущемся паланкине, разряженная в шелка Ким Сон нервничала. Она злилась на брата, который даже не подумал увидеться с ней в такой день. Девушка не знала, когда снова сможет с ним встретиться, если уедет во дворец. Переживая об этом, она слегка приоткрыла окно паланкина. И, конечно же, там никого не было. Ким Сон разочарованно вздохнула, надув губы. «Ну и пожалуйста», – подумала она и открыла окошко полностью. И тут вдруг услышала знакомую тяжелую поступь воина. Мрачное лицо Ким Сон тут же посветлело.

Высунувшись из окна, совсем рядом с паланкином она увидела брата.

– Где ты пропадал? Я думала, что уже не повидаемся до свадьбы.

– Так и должно быть. С чего вдруг мне захотелось увидеть твоё страшненькое личико?.. Даже не знаю.

– Значит, вот как ты меня ценишь! Ну что ж, теперь дорога во дворец для меня будет словно усыпана цветами.

Ким Син постарался сохранять спокойное выражение лица. У него не получалось искренне радоваться за свою драгоценную сестру.

– Братец, а как выглядит король?

– Почему тебя больше интересует его внешность, а не характер? Не беспокойся, лик его светел и прекрасен.

– Правда? А как я сегодня выгляжу? Я красивая?

– Нет, конечно.

– Значит, и королю я не понравлюсь? И мне придется возвращаться домой?

– Он тебя уже видел.

– Да?

Ким Сон вспомнила тот день, когда во время урока этикета она встретила взглядом с незнакомцем, стоявшим по ту сторону изгороди. Брат прав – у короля светлое и красивое лицо. Ким Сон ласково улыбнулась:

– Так это он приходил на меня посмотреть! Его лицо точно сияло. А что он про меня говорил?

– Сказал, что ты страшенькая.

Ким Сон прикусила губу: ей следовало бы обидеться, но она-то знала, как на самом деле сильно любит ее брат. Скоро их встречи станут реже и даже таких слов она от него не дожидется. От этих мыслей у нее на глазах навернулись слезы.

Ким Син же был охвачен тревогой: какое будущее ждет сестру? И эта тревога не давала ему покоя, превращая его лицо в окаменелую маску. Будучи верным подданным своего государя, он обязан был отдать во дворец свою сестру. Он всю жизнь служил королю, и теперь благополучие молодого короля будет означать и благополучие его сестры. Нужно было помочь королю освободиться от пут Пак Чжунхона и править свободно. Именно этого хотел предыдущий король. Если бы все было так же просто, как рубить головы врагов... Взгляд Ким Сина затуманился.

– Ты уж почаще навещай свою страшенькую сестру.

– Я воин, мое место на поле брани. Если от меня не будет вестей – считай это за хорошую новость.

– Уж мне ли не знать... – Ким Сон подняла взгляд на брата. – А за меня не беспокойся, братец. Я буду счастлива.

Церемония состоялась, однако Ким Сон редко удавалось увидеть Ван Ё. Во дворце было слишком много чужих глаз, а самые злые принадлежали Пак Чжунхону. Она не могла этого не замечать и боялась его, точно девочка-подросток, но все равно старалась украдкой присматривать за Ван Ё.

Ким Сон смотрела на то, как Ван Ё натягивает тугую тетиву и целится в мишень на стрельбище, и он казался ей почти таким же мужественным, как и ее брат. Ее государь, тот неизвестный юноша, который пришел, чтобы взглянуть на нее. Взгляд Ким Сон всегда был устремлен на него.

Ван Ё не знал, что Ким Сон издалека наблюдает за ним. С холодным выражением лица он брал стрелу за стрелой.

«Ким Син одержал победу на пограничных землях».

«Ким Син защитил границы страны».

«Ким Син одержал победу на Ляодуне!»

День за днем приходили известия о победах Ким Сина. Совсем недавно он был лишь одним из воинов, но отныне стал родственником короля. И каждый раз Пак Чжунхон нашептывал на ухо Ван Ё:

– Вести о победах Ким Сина намеренно распространяют по городу, чтобы они будоражили наш темный народ. Недовольство чиновников дошло до предела. Не хвалите его, а сообщите, что беспокоитесь о безопасности его сестры, ведь из-за него страдает репутация короля.

Выпущенная стрела пролетела мимо мишени и воткнулась в землю. Ван Ё стиснул зубы. Ему показалось, что его авторитет стремительно падает точно так же, как эта стрела. Презираемый с самого рождения, он не должен был взойти на трон. А сейчас его и без того зыбкому положению стал угрожать Ким Син. Хоть генерал – подданный короля, но авторитета у него куда больше. Вряд ли он когда-нибудь склонится перед владыкой. Хитрый язык Пак Чжунхона вечно нашептывал Ван Ё, что он-то, конечно, великий король, но все-таки недостаточно хорош. Он сидит на шатком троне, и без Пак Чжунхона, своего единственного сторонника, может лишиться его очень быстро. Тревога, которую заронил в его душу Пак Чжунхон, делалась тем сильнее, чем старше становился юноша.

– Эх, нет у него таланта к военному искусству, – расстроено проворчала Ким Сон. И все же она была рада, что может хотя бы издалека понаблюдать за Ван Ё. Она и не подозревала, в каком аду он живет. Все, что она видела, – это как он стреляет из лука или читает книги в беседке.

– Почему он ни разу меня не навестил? Изводит ожиданием, – протянула она, мило надув губки.

Однажды вечером, когда светила яркая луна, придворные дамы объявили, что государь наконец посетит женскую половину дворца. В тот же миг Ким Сон, подхватив подол тяжелой юбки, бросилась ему навстречу. Это было нарушением всех правил приличия, но придворные дамы не успели ее остановить. В громоздких и неудобных королевских одеждах бежать было почти невозможно. Выбегая во двор, девушка оступилась и зажмурилась, ожидая неминуемого падения. Но в тот самый миг, когда она почти коснулась земли, ее уверенно подхватили чьи-то руки. Ким Сон открыла глаза.

Прямо перед собой она увидела лицо Ван Ё, сияющее даже ночью. Мягкий свет луны озарял юных короля и королеву. Они долго стояли так, глядя друг другу в глаза. Щеки королевы порозовели.

– Вы довольно тяжелая.

От низкого голоса Ван Ё девушка вздрогнула и, выпрямившись, склонила голову перед королем:

– Просто задумалась кое о ком... бессердечном.

Королева назвала его бессердечным? Ван Ё почувствовал себя виноватым.

– Куда же вы так спешили?

– Увидеть вас, государь.

– Я и сам шел к вам.

Она так долго его ждала, снедаемая печалью. Ким Сон была готова расплакаться.

– Лучше ведь идти навстречу друг другу, – девушка смутилась.

Ван Ё тронула ее искренность. Он был молод, и как растение тянется к солнцу, так и душа юноши тянулась к девушке. Однако прежде всего он был королем, поэтому, стараясь не обнаружить своих чувств, посмотрел на Ким Сон сухо и сдержанно.

Ее брат Ким Син угрожал его власти, но девушка была полна очарования, и под ее обезоруживающим взглядом он невольно отдал ей кусочек своего сердца. Этот первый шаг дался ему с трудом, но в конце концов Ван Ё отдал ей все свое сердце.

В лунном свете его глаза были глубоки, как озера.

Первым перемены в короле заметил, конечно же, Пак Чжунхон. Он знал Ван Ё лучше всех, всю его подноготную. Пак Чжунхон испросил личной беседы, его мутные глаза были полны ненависти.

– Пытаясь удержать нечто ничтожное, нужно знать меру. Если решить, что вещь очень ценна, и крепко сжимать ее, то эта ценная, но ничтожная вещь непременно погибнет. От рук, что пытаются ее удержать.

Пак Чжунхон обучал Ван Ё и заменил ему родителей. А теперь подросший Ван Ё стал его опасаться. Молодой король начал понимать, что он замышляет. Однако всем во дворце заправлял Пак Чжунхон. Ван Ё ничего не мог предпринять против его воли, не мог выбирать или решать что-либо самостоятельно, даже когда дело касалось собственных чувств.

– Драгоценная вещь непременно погибнет.

Однажды Ван Ё увидел, что в покои королевы несут травяной отвар. Его лицо омрачилось. Он тут же вылил его и строго приказал: больше никаких отваров. Намерения Пак Чжунхона были очевидны, и это было то небольшое, что король мог сделать ему наперекор. Единственный способ защитить девушку, которая была ему дорога.

– «Неудачное время», «мать из низов», «жена совсем простушка»... Три дня назад советник Син Чхольджу и другие чиновники болтали об этом за выпивкой.

– Разве что-нибудь из того, что он сказал, неправда?

– Чем ближе к правде, тем настойчивее вы должны это отрицать. Прикажите снести голову этому клеветнику, порочащему честь королевской семьи, и покажите силу своей власти.

Глаза Ван Ё расширились.

Не проходило и дня, чтобы чья-нибудь голова не летела с плеч. Пак Чжунхон безжалостно заносил меч руками короля. Иной раз Ван Ё задумывался, что все это неправильно, но ему приходилось подчиняться шепоту советника, утверждавшего, что иного пути нет. Король хотел скрыть свое происхождение. Пока на земле Корё не останется ни одного человека, который знал бы о его слабостях, пока его авторитет не признают... Охваченный тревогой король был слаб.

Поздно вечером король вызвал во дворец того, кого боялся больше всех, человека, который, в отличие от него, обладал сильным характером. Во дворце, освещенном свечами, было мрачно. Пламя свечей трепетало на сквозняке. Мертвенно-бледный Ван Ё смотрел на преклонившего пред ним колени Ким Сина. Придворный евнух опустил перед воином меч, большой и острый. Негромким низким голосом, проговаривая каждое слово, король сказал:

– С тревогой и гневом дарю тебе меч. Уходи так далеко, как только можешь, и не возвращайся.

Ким Син смотрел на меч с опущенной головой, но теперь поднял взгляд на Ван Ё. На обычно бесстрастном лице короля проступили беспокойство и ярость.

– Государь, но...

Ким Сину тяжело было подобрать слова. Он прошел через столько сражений, и все ради короля, ради народа и страны. И вот вместо похвалы за тяжкий труд ему предлагают смерть. Ким Сина страшно злила и глупость юного короля, который, ослепленный Пак Чжунхоном, рубил головы направо и налево, и собственная беспомощность. Заботясь о чувствах королевы, король не стал убивать Ким Сина, но приказывал ему совершить самоубийство, позволяя расстаться с жизнью достойно. Это было даже милосердно. Король еще слишком молод, а королева приходится Ким Сину сестрой. Воин понял, что нужно как-то направить короля к верному решению, вырвать его из лап тревоги.

– Корё – это ваша страна, государь. Когда вы велели мне защищать ее границы – я защищал их, когда вы велели мне убивать врагов – я шел и убивал. Здесь и моя сестра, и мой народ...

– Теперь ты вызываешь у меня опасения.

Ким Син замолчал и точно остолбенел. Он непонимающе смотрел на короля. Пак Чжунхон крепко держал Ван Ё в своих руках, ложью раздувал в нем страхи. Ван Ё перестал доверять Ким Сину, боялся его и решил отправить на верную смерть. Король и не подозревал, что все глубже утопает в болоте собственных страхов.

– Извести меня о том, что погиб с честью, и я отвечу письмом, выражающим мою скорбь. Это приказ.

Меч и смерть – горькие подношения, дарованные ему королем. Ким Сина снова отправляют на поле брани. Он решил, что непременно вернется живым. Он будет жить, защищать королеву и короля и ждать, пока тот наконец поймет, что казнить нужно не преданного воина, а Пак Чжунхона.

Каждый день – новые казни. Во дворце воцарился хаос. Ким Сон понимала, что это делается не ради благополучия короля. Все это – дело рук советника. Со стороны даже казалось, что король не Ван Ё, а сам Пак Чжунхон. Входя в женскую часть дворца, он даже ни разу не поклонился как следует. Очевидно, что таким образом он намекал, что для него она не более чем девчонка с улицы. Когда этот змей предстал перед ней в ответ на ее письмо, ей было непросто собраться с духом.

– Отныне не бередите душу короля. Не закрывайте ему глаза. Эти казни – неверное решение.

Ее суровые слова ничуть не тронули Пак Чжунхона, он только лениво протянул:

– Все подданные считают, что решение верное, одна лишь королева не согласна. Кто-то закрывает глаза нашему королю? А может, он сам их закрывает?

– Да как ты смеешь!

– Нет, это как ты смеешь, девчонка!

Девушка стиснула кулаки, руки ее дрожали.

– Покойный король дал Ван Ё жизнь, но воспитал-то его я, а посему я его отец. Я посадил его на трон, я же вручил ему страну. Разве не так? И чтобы сестра какого-то жалкого воина меня поучала? Оставь свои нотации для непутевого братца. Его отправили защищать границы, чтобы он встретил там свою смерть, а он снова возвращается с победой. Разве это не подтверждает его коварные замыслы?

«О чем это он?», – сердце Ким Сон застучало быстрее.

Так быстро, что, казалось, вот-вот остановится. Возвращаясь из одного похода, брат тут же должен был отправляться в следующий, он редко покидал поле брани. Все ради своей страны и народа. Ван Ё – ее государь, и точно так же он государь ее брата. И вот король отправляет своего верного подданного на битву, приказывая ему не возвращаться живым. Нет, Ван Ё не мог так поступить, у него наверняка были другие причины. Обескураженная Ким Сон сжала в руках ткань платья, не в силах что-либо сказать.

– Люди говорят, что у страны – два короля, что в небе – два солнца. Если это не измена государю, то что тогда?

Пак Чжунхон произнес это слово – «измена». Ее брата скоро объявят предателем. В голове у Ким Сон стало пусто.

«Нет, этого не может быть», – подумала девушка. Ким Сон отказывалась верить злему языку Пак Чжунхона. Король слаб, он во всем простодушно слушается Пак Чжунхона и, поддаваясь своим страхам, безжалостно рубит головы подданных, но Ким Сон не допустит, чтобы так же он поступил с ее братом. Она решила встретиться с королем, поддержать его, не дать ему еще глубже провалиться в бездну тревоги.

В центре зала сидел король, а рядом с ним – Пак Чжунхон. Ким Сон вдруг вспомнила его гневный окрик: «Это как ты смеешь, девчонка!» – и на миг словно оцепенела. Стараясь не встречаться глазами с советником, она уверенно взглянула на короля. Только на него одного.

– Прошу, не поддавайтесь наговорам, не отвергайте моего брата лишь потому, что он военный. Пожалуйста, велите генералу Ким Сину вернуться с войны и защищать вас, а главное, прошу, отстраните Пак Чжунхона...

С каждым ее словом лицо Ван Ё становилось все страшнее. Руки его сжались в кулаки. Его возлюбленная говорила о брате, о своей семье – и ни единого слова о нем, короле. Он считал ее искренней и милой, а, выходит, она ничем не отличается от всех тех, кто покушается на его власть. Так он это чувствовал. Ослепленный ревностью, он терял способность мыслить здраво.

– Вот оно, значит, как. Ваше низкое положение сделало вас жадной. Вы – единственная надежда своей жалкой семьи, не так ли? Это вас брат научил?

– Ваше величество!

Королева испытывала к королю глубокую привязанность. При встрече с ним ее лицо озяло светом. И сейчас она пришла к нему, надеясь выразить свои искренние чувства, но снова не сумела дотянуться до его души. Она никак не могла понять, почему Ван Ё считает себя уязвленным.

Ван Ё никому не хотел показать свою слабость. Особенно ей.

– Король сам защищает свой народ. Где это видано, чтобы король нуждался в защите? И вы смеете просить о таком, зная, что это недопустимо? Я отправил вашего брата на верную смерть. Если он вернется живым и из этой битвы, его сочтут богом, – король трясся от гнева. – Я приказал ему не возвращаться живым, а он насмехается надо мной, раз за разом возвращаясь с победой. А может, он своим мечом не защитит меня хочет, а зарубить, откуда же мне знать?

– Ваше величество!

– Никто не может стать богом для моего народа! Это измена!

Выходит, он действительно отправил ее брата на смерть. Силы покинули Ким Сон, она сдалась.

Тьма, поселившаяся в душе Ван Ё, в конце концов овладела им. Даже возлюбленная, которой он так дорожил, не могла утешить его душу. Советник улыбнулся про себя. Король верил лишь его злым наговорам. В центре хаоса стоял он, Пак Чжунхон.

– Когда ничтожный воин обретает власть, это подрывает авторитет короля. И с этим уже ничего не поделать. В назидание всем вы должны снести голову генералу Ким Сину и продемонстрировать свою силу.

Оглашать имена подданных, подлежащих казни, было исключительным правом Пак Чжунхона. Теперь дошла очередь и до Ким Сина.

Каждый день для Ким Сон был кошмаром наяву: ее любимый заботливый брат где-то далеко сражается с врагами, и неизвестно, вернется ли живым. Она совсем осунулась. Беспокоясь о королеве, придворные дамы просили его величество, чтобы разрешил подать ей лекарственный отвар, но король запретил.

Однажды король потерял самообладание и сорвался на саму королеву. Днем, точно грабитель, он бесцеремонно ворвался в ее покои. Ким Сон, одетая скромно, без особых украшений, поспешно встала, приветствуя короля. Ее облик распалил гнев Ван Ё еще больше.

– Ваш брат снова возвращается с победой! Кого из нас двоих вы бы предпочли видеть живым?

– Ваше величество!

– Ответьте мне. Или вам все равно? Что же, видимо, так. Кто бы из нас ни остался в живых, вам-то терять нечего!

Ким Сон закусила губу. Она любила короля, и чувства ее были сильны. Она с самого рождения знала, что судьбой ей предопределено стать королевой, – такова была воля покойного монарха. Когда она впервые встретила с молодым королем взглядом – тут же влюбилась. Когда тайком смотрела на него издали – ее сердце трепетало. Когда он обнял ее той лунной ночью, она уже искренне и крепко любила его. И даже то, что он приказал ее брату умереть, не смогло изменить ее чувств. От обиды у нее на глазах навернулись слезы.

– Вы так глупы, государь.

– Тебе жить надоело? И почему ты в таком виде? Готовишься к трауру?

Громовым голосом король приказал принести шкатулку королевы. Придворные дамы засуетились.

– Почему без украшений? Ты хотя бы знаешь, где они хранятся? Я уже не понимаю, кто мой враг – злобные чужеземцы или Ким Син.

– Ваш враг – Пак Чжунхон, – уверенно произнесла Ким Сон.

Пак Чжунхон. Единственный, кто был на его стороне. Как это понимать? Ван Ё решительно перевернул шкатулку вверх дном и из груды драгоценностей извлек нефритовое кольцо. Он грубо схватил нежное запястье Ким Сон.

– Даже враги не смогли убить твоего брата, но сегодня он умрет.

– Ваше величество!

– Преступление Ким Сина – государственная измена. Ты наденешь это и встретишь преступника, как полагается королеве.

Он силой надел кольцо на тонкий палец девушки и взглянул ей в глаза. У Ким Сон перехватило дыхание, по лицу ручьем текли слезы.

Сердце молодого короля разрывалось. Если бы ее брат умер в бою, как ему и было приказано, Ван Ё не пришлось бы причинять ей такую боль. Он ненавидел самого себя в этот момент, но и Ким Сон была ему ненавистна.

– На чьей ты стороне? Ты хоть когда-нибудь была на моей стороне? Был ли я в твоём сердце? Ты хоть когда-нибудь меня любила?

Сердце Ким Сон упало. Король совсем ее не понимал, не знал, что у нее на душе, и снова причинял ей боль. Дрожащей рукой она ударила его по щеке. Пораженный, он в бешенстве взглянул на нее. В его налитых кровью глазах спорили любовь и ненависть.

– Не становись на его сторону. Это твой единственный шанс выжить. Ты должна выбрать: быть моей королевой и жить или быть сестрой предателя и умереть.

Выбрать? Сжав руку с кольцом, Ким Сон произнесла недрогнувшим голосом:

– Я ваша королева и я люблю вас. Но я остаюсь сестрой предателя.

Ким Сон заплакала, предчувствуя скорую смерть, но твердо решив принять свою участь.

Ван Ё расценил это как неповиновение: она ставила брата выше него, своего короля, и покидает его, предпочитая смерть. От этого ему и самому захотелось умереть. Никто не встал на его сторону – ни народ, ни королева. Во всей империи не нашлось человека, который любил бы его.

Ван Ё медленно закрыл глаза и открыл их снова. Он делал так уже много раз, но картинка не менялась. Каждый день был похож на предыдущий, точно сон, от которого он никак не мог пробудиться. Длинный сон под названием реальность. В его просторном дворце к обеду подавали лучшие блюда, придворные дамы в страхе опускали перед ним голову. Посреди зала склонился в земном поклоне Пак Чжунхон. Ким Сон и Ким Син мертвы. Теперь король доказал всем свою силу?

– Вы проявили свою власть, разоблачив заговор изменников. Народные волнения улеглись, люди восхваляют своего государя. Я беспокоился, как бы вы не потеряли аппетит, поэтому приказал приготовить снадобье. У него чудесный аромат и сбалансированный кисло-сладкий вкус, оно поможет вам...

Довольно, пора пробуждаться ото сна. Ван Ё резко встал и перевернул уставленный блюдами низкий столик. Еда рассыпалась, миски разлетелись по полу. Что-то с грохотом разбилось – бабах! Но у Ван Ё перехватило дыхание от ощущения, что он все еще во сне.

Теперь расшитое золотом одеяние короля всегда было измято. На голове его не было короны, волосы растрепались. Смотря на все замутненными глазами, король снова и снова переворачивал стол вверх дном. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, как будто он всегда находился все в том же вечном сне. Прошло уже несколько лет со дня смерти королевы, но состояние короля только ухудшалось.

Взрослый мужчина, он бродил по дворцу без короны и полного облачения, в простом белом халате, с распущенными волосами. Пошли слухи, что король сошел с ума. Со смерти королевы и Ким Сина прошло уже немало времени, а король все так же проявлял слабость, не способный оправиться от событий прошлого, и это шло вразрез с планами Пак Чжунхона.

– Тело и душу государя одолевает болезнь, народ обеспокоен. Сократите количество приемов пищи и поднесите ему лечебный отвар.

Отвар. Устремленный вдаль взгляд короля вдруг прояснился. Отвар, который убил его старшего брата, дядю и племянников, теперь будут подносить и ему. Из рта у него вырвался смешок.

Пак Чжунхон, змеиная натура, вынашивал коварный замысел. Королем-безумцем можно вертеть как угодно, но удержать власть в руках такого правителя будет трудно. Нужно снова посадить на трон ребенка. Достаточно отыскать какого-нибудь дальнего родственника королевской семьи – и проблема решена.

Королевская служанка поднесла лечебный отвар и протянула чашу королю. Ее руки тряслись. Ни для кого не было секретом, что это за лекарство.

– Вкус у него горький, но оно прояснит ваш разум, сделает вас сильнее...

Залпом выпив отвар, король спросил Пак Чжунхона:

– Доволен?

Ван Ё убил своих подданных, королеву, родственников – и все равно не смог стать сильным. И вот теперь он сходит с ума.

Пак Чжунхон выскользнул из дворца, так и не дав королю ответа.

Во дворце царил хаос. Король угасал, его мучил кашель. Он ничего толком не ел, только пил отвар чашу за чашей и, распластавшись на полу, точно одержимый, торопливо водил кистью. Постепенно на бумаге вырисовывался светлый образ его возлюбленной. Он сделал уже несколько портретов, вокруг него были раскиданы кисти.

– Скажи... – отложив кисть, обратился король к пожилой придворной даме, когда-то прислуживавшей королеве.

Она пришла по его приказу и стояла в стороне, обеспокоенно наблюдая за королем. Когда он обернулся к ней, она вздрогнула. У короля был взгляд безумца.

– Я... не помню. Какой из портретов больше похож? Где она улыбается? Или вот этот, где плачет?

– Ваше величество...

– Я не хочу ее забывать, но, кажется, она до сих пор меня ненавидит. Я не помню ее.

И улыбающаяся, и плачущая – это была она.

Будто решившись на что-то, придворная дама вдруг подошла к убитому горем королю. Все это время она хранила у себя некоторые вещи на случай, если Ван Ё однажды вспом-

нит о той, которую когда-то любил. Она протянула завернутый в шелк сверток растрепанному королю.

Он медленно развернул ткань. Шелк раскрылся, и взгляду предстала знакомая одежда. Ван Ё захлестнула тоска, руки его заметно дрожали. Платье с пятном крови, которое было на королеве в ее последний день, и нефритовое кольцо – то самое, которое он силой надел ей на палец. Сжимая кольцо в руке, он лил слезы, которые так долго копились глубоко внутри, – слезы досады. Сердце у него разрывалось, а горячие, точно адское пламя, слезы орошали пол королевских покоев.

Мучимый тоской по своей королеве, король блуждал во сне, от которого нельзя было пробудиться, сколько он ни пытался. Он тосковал по той девушке, что удивленно посмотрела на него, стоявшего за изгородью, но все, что у него осталось, – ее запачканная кровью одежда и нефритовое кольцо. Она покинула его, оставив все свои вещи в этом мире. Он вновь почувствовал себя отвергнутым.

Король вышел из дворца в простом белом одеянии, с распущенными волосами. Была уже поздняя ночь, и свет горел лишь в нескольких лавках. Было холодно, и на улицах люди грелись возле костров, рассыпавших веселые искры. Король брел по улице, точно сумасшедший, сжимая в руках платье королевы. Увидев его, люди расступались, прижимаясь к стенам и надеясь, что он просто пройдет мимо.

– Для кого теперь эти шелка? На чью руку мне теперь надевать это красивое кольцо? Для кого теперь эти шелка? На чью руку мне теперь надевать это красивое кольцо?.. – нараспев твердил король. Он сошел с ума от горя.

– Отдайте это кольцо мне.

Прохожие боялись и слово молвить, и лишь одна старуха, сидевшая в переулке, без тени страха обратилась к королю. Он остановился и взглянул на нее. Старуха, пронзительно посматривая на глупого короля, была не кто иная, как бабушка Самсин. Он бросил ей кольцо.

С кольцом было покончено, но оставалось еще шелковое платье. Зная, что хозяйку платья ему больше никогда не увидеть, он бросил его в костер. Пламя поглотило шелк и с новой силой устремилось вверх вместе с черным дымом. Постояв немного у огня, король повернул назад, во дворец. «У меня с самого начала ничего не было. Ничего и не осталось», – думал он.

Портрет – лишь иллюзия. Он – не она.

Королю было трудно сидеть, а голос его сочился унынием:

– Вот оно как... Никто никогда не любил меня. Ни народ, ни подданные, ни королева, ни даже я сам. Выходит... Я не снискал ничьей любви в этой жизни.

Служанка, подносявшая лекарственный отвар, ничего не ответила, а только стояла рядом в глубоком поклоне. Король окончательно сошел с ума, рассудок уже не вернется к нему. Он потребовал служанку принести еще отвара. Того, что он выпил сейчас, было достаточно, чтобы убить его. Еще одна порция – и смерть неминуема. У служанки от страха тряслись руки.

За что ему цепляться, если за всю жизнь он ни от кого не получил любви, если и сам не сумел никого по-настоящему полюбить... Сколько ночей он провел, думая, что очнется тем весенним днем, когда его драгоценная королева любила его, но дурной сон все длился и длился. Реальность была безжалостна.

– Я знаю, что это за отвар. Покончим с этим раз и навсегда. Неси еще. Таков мой приказ.

Король принял решение сам расстаться с жизнью. Слезы текли из его глаз, и не было никого, кто прикрыл бы ему веки.

Глава 2

Слезы

Ынтхак лежала на кровати и время от времени стонала. Она спала, хотя этот сон больше напоминал обморок, и каждый раз, когда у нее дергались веки или из груди вырывался стон, тень под глазами Демона становилась глубже. Могло случиться непоправимое. Он беспрестанно думал об этом, и от горьких мыслей будто земля уходила из-под ног. Мучимый чувством вины, он стирал пот с ее лба.

Прошло немало времени, и вот наконец Ынтхак приоткрыла глаза.

– Вы... в порядке? – спросила она, чувствуя его руку у себя на лбу. Она обрадовалась, что первым, кого она увидела, очнувшись, был он – тот, кто оберегал ее.

Демон едва сдержал тяжелый вздох. Девушка бледна как полотно – и спрашивает, в порядке ли он?

– Это я должен у тебя спрашивать.

– Разве? Я думала, вы умираете.

– Прости, ты, должно быть, испугалась.

– Вы ведь тоже не знали, что так выйдет... что будет так больно. Ведь раньше никто не пытался вытащить этот меч.

Из-за резкой боли он оттолкнул Ынтхак, так что ее подкинуло высоко в воздух. Девушка отлетела в сторону дороги, по которой как раз ехал огромный грузовик, и через секунду он должен был врезаться в нее. Демон, собрав все силы, переместился к ней за спину и прикрыл своим телом, приняв удар на себя, и оба свалились на землю. Все произошло в мгновение ока. И удивление, и боль продлились для него всего секунду. А если бы он не спас ее? Она лишь слегка потянула за меч, но даже это было мучительно. Его лицо исказила гримаса боли и сожаления.

Ынтхак широко улыбнулась:

– А вы, оказывается, и в самом деле умеете летать! Правда, способ, которым вы решили это продемонстрировать, какой-то уж очень необычный.

Ынтхак давала ему понять, что он не должен чувствовать себя виноватым. Повинуясь ее желанию, Демон старался не показывать свои переживания.

– Нам надо подготовиться. Оказалось, что это не так-то просто.

– Да.

– Если честно, я так удивилась, что меч сдвинулся... Такое облегчение! Это ведь значит, что я ваша невеста! Здорово, правда?

Ынтхак разразилась радостным смехом. Демон попытался улыбнуться, но снова помрачнел. Несмотря на одиночество, она выросла сильной. Достойной невестой. Когда-то он наде-

ялся, что она окажется обычным человеком, а не его невестой. Однако он не мог рассказать всей правды и просто молча смотрел на смеющуюся девушку.

Не получив ответа на свой вопрос, Ынтхак почувствовала себя неловко. Она-то надеялась, что он согласится с ней. Когда подтвердилось, что она его невеста, шел дождь. Ынтхак это хорошо помнила, поэтому заподозрила неладное.

– А вы... разве не рады?

– Рад, – ответил он со слабой улыбкой.

Только тогда ей стало немного спокойнее.

– Вот видите, я действительно ваша невеста! Это судьба.

Судьба. Теперь Ынтхак знала наверняка: ее судьба – быть невестой демона. Когда Ынтхак схватилась за меч, тот сдвинулся, ей точно это не померещилось. Вот и Демон говорит, что рад. Она еще несколько раз повторила это слово – «судьба».

И каждый раз на душе у Демона становилось все тяжелее.

Куда приведет их такая судьба? Неведение тревожило. Но реальность тревожила не меньше. Спасая Ынтхак, Демон устроил на дороге переполох: машины, спокойно стоявшие на парковке, разбросало в разные стороны. Это не было похоже на ураган, а видео с разлетающимися автомобилями уже разошлись по интернету.

Первым, кому на глаза попались эти видео, был Докхва. Он в недоумении почесал затылок: «Да-а, вот это я понимаю, уровень. И на меня еще жалуются, что я доставляю много проблем!»

Тут требовалась помощь корпорации «Чону Групп». Докхва немедленно позвонил секретарю Киму. Секретарь Ким мобилизовал сотрудников на удаление видео из Сети. Тем временем Мрачный Жнец стирал память свидетелям инцидента и тем, чьи машины оказались повреждены. Последним Докхва возместил ущерб от «шквального ветра», но позже никто из них не мог объяснить, откуда взялись эти деньги – точно с неба упали.

Ынтхак не пострадала, но удар был сильный, и сейчас у нее болели мышцы. Она сидела в своей комнате и наносила мазь на плечи, руки и ноги, как вдруг услышала, что внизу что-то разбилось. Спустившись по лестнице в гостиную, она увидела там Демона, лежавшего на полу без сознания. Мрачный Жнец был рядом и с безразличным лицом выметал осколки тарелки. Из-за Демона ему пришлось торчать на улице, а теперь вместо заслуженного отдыха он был вынужден еще и убирать за ним, поэтому особого сочувствия не испытывал.

– Что с ним? Он ведь не умер?

– Это от лекарства. Пусть спит.

– Он заболит, если оставить его спать на полу...

Она надеялась, что Жнец отнесет Демона в его комнату, однако тот, недолго думая, исчез с тихим свистом. Ынтхак не смогла бы даже приподнять Демона, он был гораздо выше и тяжелее ее, поэтому ей не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока он проснется. Она сбегала за теплым одеялом. Затем собрала по всему дому свечи, расставила их вокруг Демона и зажгла, надеясь хотя бы немного его согреть. Укрыв Демона одеялом, она легла на пол возле него.

– Что случилось, почему вы выпили лекарство? Вам все еще больно?

Он крепко спал и не мог ей ответить. Она вглядывалась в его неподвижное лицо, освещенное нежным мерцанием свечей. Он был красив, ей хотелось сохранить в памяти и его улыбку, и выражение лица, когда он спит. Только бы выздоровел поскорее. Она бережно отодвинула волосы со лба Демона и прикоснулась к коже рукой. К счастью, жара не было.

– Вроде бы взрослый человек... А на полу валяется.

Взволнованный голос Ынтхак подействовал на него как первая капля дождя, внезапно упавшая на голову. Еще не до конца очнувшись, он произнес:

– Просто было больно...

– Вы проснулись?

– От тебя... пахнет лекарством.

– Это мазь. Вам плохо? Вы же говорили, что все в порядке.

– Я соврал, – ответил Демон, не открывая глаз. Его голос звучал глухо.

От такого незамысловатого признания Ынтхак прыснула со смеху:

– Почему я не удивлена? Выздоровливайте скорее.

Ынтхак погладила его по голове. Один раз, второй, а на третий он открыл глаза.

– Ты же даже не знаешь, почему мне больно.

– Почему?

– Моя первая любовь... причинила мне боль.

Рука девушки замерла. Уголки ее губ, растянувшиеся было в улыбке, недовольно сжались: она тут о нем заботится, а он, значит, тоскует по своей первой любви.

Демон внимательно наблюдал, как менялось лицо Ынтхак.

– Что, такая красивая была? Вы про нее даже в дневнике писали.

– Она очень красивая... Всегда.

– О, вижу, вы очень больны. Состояние критическое. Спите уже. Без разговорчиков.

Ынтхак не хотела показывать своего разочарования, поэтому решила замаскировать его грубым тоном. Только что она бережно гладила Демона по волосам, а теперь, поднимаясь, нарочно с силой надавила ему на плечи.

– Не уходи...

– И что? Продолжите рассказывать своей невесте, какой красивой была ваша первая любовь?

– Если присмотришься, поймешь. Не уходи, – сказал он, снова закрыв глаза.

Ынтхак надулась, но промолчала. Она снова легла рядом и положила ладони под голову. Может, она и не первая его любовь, но уж точно его первая и последняя невеста. Он имел наглость рассказывать ей о своей возлюбленной, но он же заставлял ее сердце трепетать, даже когда просто лежал рядом с закрытыми глазами. И он казался таким печальным. Поэтому она побудет с ним рядом еще немного.

Ынтхак пыталась не думать о возлюбленной Демона, но получалось плохо. Перед глазами то и дело вставали слова, торопливо записанные на полях: «Она была моей первой любовью». Ей казалось, что станет легче, если она прочтет ту запись целиком. Впрочем, не исключено, что это только больше огорчит ее.

Не в силах сидеть спокойно, она переписала страницу из дневника Демона себе в тетрадь и положила ее перед Докхва. Он ведь хвастался, что выучил свою первую тысячу иероглифов еще в три года. Верить ему, конечно же, было нельзя, но она готова схватиться за любую соломинку.

– Что это?

– Это мое тайное расследование. Хочу разузнать все о первой любви твоего дяди. Только, чур, секрет!

– Да что ж ты раньше молчала!

Докхва внимательно рассматривал страницу, полностью покрытую иероглифами и комментариями к ним. Он читал медленно, от иероглифа к иероглифу, и вдруг его глаза задержались на одном из них.

– Этот означает «слышать». На всякий случай, а то вдруг вы не знаете, – пояснила девушка.

«Было время, когда я думал, что эта жизнь – моя награда, но в конце концов она оказалась моим наказанием.

Я помню все их смерти.

А Бог по-прежнему глух к моим просьбам».

– Бог по-прежнему глух к моим просьбам...

Губы Докхва слегка скривились, он сжал тетрадь в руке. Заметив это, Ынтхак буравила Докхва взглядом, ожидая объяснений.

– Это любовное письмо.

– Любовное письмо?

– Ага. Трагическое признание в любви.

У девушки ком стал в горле, она закусила губу. В хитром взгляде Докхва горели искорки. Глядя в тетрадку, но куда-то между строк, он начал декламировать:

– Через сотню лет, в один прекрасный день...

Не желая слушать дальше, Ынтхак захлопнула тетрадку. Что ж, очень даже может быть. Она уже не раз думала о том, что за девятьсот лет он вполне мог встретить женщину, которую не в силах забыть. И все же теперь, когда она убедилась, что он посвятил этой женщине целое письмо, настроение у нее испортилось окончательно.

Оставив Ынтхак пытеть от негодования, Докхва направился в дом Демона. У него было поручение – вернуть свиток, который Демон оставил мэтру Ю, собираясь уйти в небытие. Юноша уже несколько раз собирался это сделать, но все как-то не складывалось.

До недавнего времени Докхва и не знал, что в этом свитке, которым Демон так дорожил. Там была изображена женщина. Докхва она показалась благородной и красивой, но он не видел в портрете ничего такого, что могло бы тронуть до слез. Однако когда они вместе с Мрачным Жнецом тайком развернули свиток, у Жнеца из глаз вдруг потекли слезы. Возвращая свиток Демону, Докхва рассказал о том, что произошло.

– Он заплакал?

В голосе Демона слышалось недоумение, он был неприятно удивлен этим странным известием. Отчего бы ни плакал Жнец, настроение у него испортилось. Сжимая в руке свиток, он тут же пошел в комнату к Жнецу.

– Докхва сказал, что ты плакал. Даже я не плакал. Тебе-то с чего?

Мало того, что Демон ни с того ни с сего ворвался к нему комнату, так еще и сразу с порога стал задавать вопросы. Жнец мрачно покосился на Докхва, стоявшего в коридоре. Все ему выложил, значит. Жнец и сам был в полном замешательстве. Слезы потекли из его глаз, когда он увидел Санни, то же самое случилось, когда он увидел портрет. Он даже подумал, не заболел ли какой-то странной болезнью. А может, ему поухаживать за другой девушкой? Может, так получится забыть о Санни? Между ним и Санни явно была какая-то связь.

– Я и сам не знаю, что это было. Уже столько раз думал об этом. Похоже на синдром Стендаля...¹ Сильно сдавило грудь, эмоции захлестнули. Кстати, кто она, эта девушка на картине?

– Зачем тебе это знать? – нарочито холодно бросил Демон.

Жнеца не покидало смутное ощущение, что он вот-вот вспомнит, кто она.

– Да просто... Показалось, что я ее уже где-то видел... – сказал он.

¹ Психосоматическая реакция, вызываемая острым эмоциональным переживанием. Характеризуется приступами головокружения, учащенным сердцебиением и галлюцинациями. – Прим. ред.

«Видел?!» У Демона глаза на лоб полезли.

– Не знаю уж, кого ты там видел, но, вообще-то, она моя сестра.

Докхва и Жнец удивленно уставились на него: они впервые слышали, что у Демона была семья. Казалось, он всегда был один, свалился откуда-то с неба, и на тебе – сестра. Хотя, если подумать, когда-то ведь и он был человеком и у него вполне могла быть семья.

– Ты действительно считаешь, что видел ее? Где это было?

– Точно не помню... Она могла быть одной из тех, кого я провожал в иной мир, но я не уверен.

– Она переродилась? Когда?

– Говорю же, это не точно. Просто предположение. Сколько душ я проводил в последний путь за сотни лет, а всех помню. Но тут... У меня нет воспоминаний – только ощущения... Просто вдруг стало невыносимо грустно... Даже сердце заболело.

От одной лишь попытки что-то вспомнить у него защемило сердце.

Жнец еще долго подыскивал правильные слова, чтобы описать свое состояние, но Демон уже погрузился в свои мысли и не слушал его. Он не сумел защитить свою сестру. Это одна из его неизлечимых ран.

Обстановка нагнеталась, и Докхва подал голос:

– Слушайте, я знаю! Кажется, я понял! А может, Мрачный Жнец – реинкарнация вашей сестры? Попробуйте сказать «братец».

Мужчины смерили Докхва недобрым взглядом.

Демон был разочарован. Надежда найти сестру, едва зародившись, рассыпалась в прах. Они с Докхва ушли, а Жнец остался стоять напротив зеркала. Вот оно как, сестра Демона. Ему стало не по себе. Она одна из душ, которых он провожал в загробный мир, или же он знал ее в прошлой жизни? Было странно думать о том, что она может быть связана с его прошлой жизнью. Его воспоминания были полностью стерты. Он помнил себя только с того момента, как стал Мрачным Жнецом.

Недавно он услышал от подчиненного такую историю: один жнец должен был забрать душу покойной, но к нему внезапно вернулись все его воспоминания. Он вспомнил, что эта душа в прошлой жизни была его женой, и сбежал вместе с ней. Жнецами становились те, кто в прошлой жизни совершил страшный грех. Но о своем грехе, как и о прошлой жизни, Мрачный Жнец ничего не помнил.

«Как же тому жнецу удалось вспомнить свою прошлую жизнь?» – задумался вдруг он. Если воспоминания возвращаются, значит, так оно и должно быть, если же нет – такова воля богов. Ему стало ужасно любопытно, с какой целью боги возвращают утраченные воспоминания. Мрачному Жнецу, как и большинству его коллег, наверное, не суждено вспомнить прошлое. Пройдет время, и сомнения вытеснят из его памяти эту девушку и ее портрет.

Солнце уже начало свой путь к горизонту, небо затянула прозрачная дымка. Переодевшись в удобную домашнюю одежду, Демон позвал Жнеца, только что вернувшегося с работы, они вместе сели на террасе и открыли по баночке пива. Сегодня Жнец провожал в последний путь ребенка, еще не испорченного этим миром, и от этого чувствовал себя особенно уставшим. Его тяготили такие непростые задачи, но, увы, приходилось терпеть, ведь таков был путь к искуплению страшного греха, который он совершил в прошлой жизни.

– Как хорошо бывает выпить днем. Особенно когда работа закончена, – пробурчал себе под нос Жнец.

Демон пристально посмотрел на него:

- Назови меня братцем.
- Жить надоело?
- Похож. И кожа такая же светлая, как у нее.

Демон явно издевался. Смерив его взглядом, Жнец сжал в руке банку из-под пива. Она тут же превратилась в ледышку. Не обращая внимания на его гнев, Демон перевел взгляд куда-то в сторону.

– «Уйти в Ничто»... Что это вообще значит, интересно? Что превратишься в пыль, растворишься в ветре или дожде? Прах развеется по миру?

- Главное, чтобы вместо Ничто не получилось Нечто.

Жнец расхохотался над этой неожиданной попыткой пошутить, отчасти потому, что уже немного захмелел.

- Да что ты переживаешь? Ынтхак ведь все равно не может дотронуться до меча.

– Теперь – может. Она даже сдвинула его с места. Она и правда моя невеста. Было очень больно. Я еще никогда такой боли не чувствовал.

Голос Демона снова стал печальным. Узнай об этом Ынтхак, она бы очень обрадовалась, но у Демона на душе скребли кошки. Жнец удивленно смотрел на него, а затем, будто вспомнив что-то, спросил:

- А ты сказал ей, что уйдешь в Ничто, если она вытащит меч?

– Пока нет. Сперва не было необходимости, потом я упустил нужный момент, а в итоге вышло так, что я уже не могу этого сделать. Нельзя же просто попросить, чтобы она убила меня собственными руками.

- И что же делать? Меч ведь сдвинулся.

- Я планирую скрывать от нее правду.

- Как долго?

- Не знаю... Лет восемьдесят?

Жнец сразу понял, к чему клонит Демон, и зажмурился.

- Человеческая жизнь. Максимальный срок, который Ынтхак может прожить.

Рука Демона, крепко сжимавшая банку, бессильно разжалась. Он не был уверен, что все получится, как ему хотелось. Он мог бы еще восемьдесят лет оставаться здесь, а потом, когда Ынтхак проживет отведенный ей век, уйти в Ничто. Это было бы хорошим завершением жизни.

– Я тебе вот что скажу, так, на всякий. Ни в коем случае не говори ей всей правды. Любовь? Прodelки гормонов. Восемьдесят лет? Это ты так придумал, а может, года через два она влюбится в кого-нибудь еще. Это не редкость.

Взгляд Демона заметался. Теперь у него появился еще один повод для беспокойства. Время для людей и демонов течет по-разному, так что, возможно, и любовь у них разной глубины.

Жнец нахмурился, сообразив, что попал в затруднительное положение. Желая развесялить Демона, он навел его на мысли еще более тягостные.

– И все-таки почему меч вдруг сдвинулся? Ведь поначалу она даже коснуться его не могла. Что-то изменилось?

– Хм... Что могло измениться?... А! Может, она меня полюбила? Точно! Но с каких пор?... Эх, хоть бы сказала тогда, а то ведь ничего не понятно!

Настоящая любовь... Ему вспомнились слова Ынтхака, сказанные после их поцелуя: «Придется пойти и на это».

Уголки губ Демона незаметно потянулись вверх, и, заметив это, Жнец беззвучно цокнул языком. От тоски к радости Демон переходил за считанные секунды. Жнец с жалостью смотрел на него, ведущего разговор с самим собой, как вдруг дверь открылась и из нее выглянула Ынтхак.

Ынтхак была в верхней одежде. Не глядя на Демона, она сообщила Мрачному Жнецу, что уходит. Демон, конечно, об этом не догадывался, но Ынтхак все еще дулась: уж очень задел ее разговор о его первой любви. На вопрос Демона, куда она собралась на ночь глядя, Ынтхак, по-прежнему обращаясь к Жнецу, ответила, что идет в библиотеку, и хлопнула дверью. Демон в недоумении уставился на резко закрывшуюся дверь.

– Пожалуй, два года – это даже много. Год и два месяца?

Ему нечего было на это ответить, поэтому он только смерил Жнеца взглядом и пошел следом за девушкой.

До библиотеки они шли вместе, вороша ногами опавшие листья. Ынтхак бурчала, мол, увязался тут, но настроение ее улучшилось. «Кем бы ни была та его возлюбленная, сейчас рядом с ним я», – думала она.

– Кстати, насчет меча... Почему он вдруг сдвинулся? Раньше я даже коснуться его не могла.

Демон и сам хотел об этом поговорить. Он взглянул на Ынтхак, которая явно сгорала от любопытства.

– Ты... ничего не хочешь мне сказать?

– Да нет.

– И все-таки что-то есть.

– А, это.... Ну да, пожалуй.

– По тебе же сразу все видно. Не стесняйся, скажи. Ты же знаешь, что бы ты ни рассказала, я все приму без осуждения.

Не понимая, что именно он хочет от нее услышать, Ынтхак замялась.

– Вот у вас денег, конечно, куры не клюют... Но разве хорошо, что вы все время дома сидите?

– Ты точно об этом хотела поговорить?

– Нет, ну правда, надо же куда-то ходить, что-то делать, а то и зачахнуть можно. Вы ведь в эпоху Корё служили государю, так?

Демон опешил от такого заявления. Вот уж непредсказуемая девчонка! Конечно, отчасти она права, никакого конкретного занятия у него нет, но обвинить его в безделии? И кому приятно такое услышать? К тому же он был разочарован: он ждал от нее совсем других слов. Она и правда именно это хотела сказать? Он недовольно сжал губы. Когда-то он пытался работать, но из этой затеи толком ничего не вышло.

– У меня, между прочим, была работа, – ответил он уклончиво, чтобы Ынтхак не догадалась о том, что с работой у него не складывалось.

Но Ынтхак уже поняла, что карьера у него была какая-то сомнительная.

– А, так вот почему вы дома сидите! Не хватает вам чего-то.

– Чего это, интересно? О чем ты вообще?!

– Да ясное дело чего – мозгов. На Докхва посмотрите, у него явно с этим проблемы.

Демон аж задохнулся от возмущения. Как же обидно, что она о нем такого мнения. К тому же он так и не дождался от нее того, что рассчитывал услышать, и совсем впал в уныние.

– Нет, ну это неслыханно! Впервые мне такое говорят. Впервые!

– Правда? Первая любовь решила вас не расстраивать?

Первая любовь. Услышав это, разозлившийся было Демон прыснул со смеху:

– Так ты что, ревнуешь?

У него тут же поднялось настроение, точно зашекетало что-то внутри. Только что он сердился, а тут ехидно захихикал.

Зато теперь рассердилась Ынтхак, глядя на ухмыляющегося Демона.

– Что? Я? С чего бы? Я даже не знаю, когда она жила. Когда это хоть было? Корё? Чосон? Начальный период или поздний? Наверняка красавицей была. Вот только с первой любовью никогда не складывается, знаете ли.

Ынтхак злилась на Демона, вымещая свое раздражение. Она ревновала к его первой возлюбленной, хотя ничего о ней не знала. Как бы девушка ни пыталась скрыть эти чувства, он видел их как на ладони. Она искренне любила его, и, осознав это, он совсем развеселился. Удивительное дело: чем больше она злилась, тем лучше становилось у него на душе. Спрятав руки в карманы пальто, он с широкой улыбкой смотрел на кипящую от возмущения Ынтхак.

– Идите! Не ждите меня, я буду поздно!

Раздраженно дернув плечом, Ынтхак быстро зашагала к библиотеке. Демон улыбался: как мило она ревнует, а Ынтхак, похоже, была смущена. Оставшись один, он снова почувствовал в груди щемящее чувство – радость оказалась недолговечной.

– Почему это с первой любовью ничего не складывается? Кто сказал?

На холодном воздухе голос Демона, подхваченный ветром, прозвучал звонко и отчетливо. Ынтхак давно ушла, а он еще долго стоял на том же месте, глядя в пустоту.

Глава 3

Полюбить тебя

По дороге в университет на собеседование Ынтхак немного волновалась. Честно говоря, она чувствовала себя как на иголках и тряхнула плечами, чтобы сбросить напряжение. А вот и здание, из двери которого они с Демоном выходили в день экзамена. Если бы не Демон, она могла тогда опоздать. В голове всплыло воспоминание о том, как они бежали, схватившись за руки, и Ынтхак почувствовала, что напряжение уходит само. Улыбаясь, она смотрела на дверь, навевающую воспоминания, как вдруг эта дверь открылась и из нее уверенным шагом вышел Демон собственной персоной. Как всегда, неожиданно, и, как всегда, она была рада его видеть.

– Я ушла, а вы и не заметили. Зачем пришли? – пробурчала Ынтхак.

Подумав, что злится она тоже очень мило, Демон спросил, пряча руки за спиной:

– Ничего не забыла?

– Ой, мой шарф! Это все из-за вас!

Ынтхак потянулась к Демону. Он вынул руку из-за спины и уверенным, спокойным движением обернул шарф вокруг шеи девушки. То ли из-за шарфа, то ли оттого, что мужчина оказался так близко, Ынтхак бросилась в жар.

– Ничего не бойся, не нервничай. Пойти с тобой?

– Да что я, дитя малое?..

– Все сердиться?

Надув губы, Ынтхак посмотрела на него снизу вверх:

– Собиралась, но как мне теперь сердиться, после шарфа-то?

– Ты определенно ревнуешь.

– А вам это, кажется, доставляет удовольствие.

– Да, очень. Весь день счастливый ходил.

Ынтхак порадовалась, что у нее теперь есть шарф и она может спрятать в нем лицо. Она так старалась казаться равнодушной, но безуспешно. Как хорошо, что нельзя увидеть, где у человека находится сердце, иначе Демон бы удивился, обнаружив, что ее сердце ухнуло куда-то вниз.

– Идите домой. Я схожу на собеседование и тут же вернусь. – Разволновавшись, Ынтхак пятилась к остановке, не глядя на дорогу и натыкаясь на людей, шедших навстречу. – Спасибо за шарф.

– Осторожно, смотри по сторонам.

Ынтхак не успела увернуться и столкнулась с каким-то прохожим. Она поспешила извиниться и поклониться, при этом не сводя глаз с Демона, и без тени смущения крикнула:

– Да я бы и сама отошла. У вас такие большие и ясные глаза, что в них все отражается, правда!

Он смотрел лишь на нее одну, и она тоже шла, не отрывая от него взгляда.

– Ладно, садись уже в автобус.

Глядя на нее, такую милую и обаятельную, Демон расплылся в безмятежной улыбке. Автобус подъехал, и Ынтхак поторопилась зайти в салон. Сев возле окна, она снова посмотрела на Демона.

Двери автобуса закрывались, когда какая-то женщина на улице закричала: «Держите вора!» Она осела на землю, схватившись за поврежденное запястье. Грабитель, весь в черном, верхом на велосипеде промчался мимо Демона, не снижая скорости. Однажды Демон уже видел этого человека, преступника, что не остановится ни перед чем. В тот раз он увидел, что его ждет ужасное будущее. Теперь же перед ним открылись новые подробности:

Не справившись с управлением на большой скорости, велосипедист упадет, врезавшись в тележку продавца носков, которая стоит у обочины дороги. Тело его взлетит в воздух и приземлится посреди дороги. Автомобиль, пытаясь объехать его, резко повернет, и в этот момент автобус, пронзительно сигналив, столкнется с ним и другими машинами. Автобус перевернется, прольется кровь, много крови. Таким будет дорожное происшествие, которое произойдет в 8 часов 37 минут. Все пассажиры: новорожденный ребенок и его мама, офисные служащие, школьники и готовящаяся к интервью... Чжи Ынтхак. Стоп, Ынтхак?

Демон замер. Он проверил часы на запястье – 8:20.

– Но почему там не было Ынтхак?

Ее определенно там не было – в будущем, которое он видел раньше, – а сейчас она ехала в том самом автобусе. Как такое могло случиться?

Быстро, насколько только возможно, он начал действовать. Тело опережало разум. Он открыл дверь и шагнул внутрь. Нужно было предотвратить беду. Он усмирил дыхание и шагнул наружу – теперь он находился рядом с тележкой, в которую врежется вор. Демон пообещал продавцу, что купит весь его товар, если он сейчас же уберет свою тележку с дороги. Продавец разинул рот от удивления, но объяснять было некогда.

Стрелки показывали 8:30. Демон резко открыл дверь и вышел уже в другом месте. Он опоздал всего на секунду: велосипед промчался прямо у него под носом. Он снова открыл дверь и вышел из следующей. Велосипед приближался. Он не врежется в тележку, ее уже нет на том месте. Какое счастье. Демон подождал, пока велосипед поравняется с ним, и резко ударил ногой по колесу. От сильного удара колесо погнулось, и велосипедист потерял равновесие. Мужчина слетел с него и свалился на землю. Из кармана его куртки вывалилось три кошелька.

– Ах ты! Ты же... с той остановки! Преследуешь меня?

– А ты догадайся, – зловеще сказал Демон, одним взглядом повалив на землю поднимавшегося на ноги человека.

Подчиняясь неведомой силе, тот весь сжался. Возможно, он серьезно пострадал, но страх сковал его сильнее боли.

– Двадцать три тысячи вон, тридцать две, пятнадцать, три купона на скидку... Неплохо ты наворовал. Знаешь, сколько человек сегодня могло погибнуть по твоей вине?

Мужчина быстро подобрал один из выпавших кошельков и открыл его. Там действительно было двадцать три тысячи вон. Руки у него дрожали.

– Ты кто такой? Из полиции?

– У женщины, которую ты обокрал, обнаружат перелом, и он будет заживать три недели. Если возьмет больничный – уволят, поэтому из-за тебя она будет работать. С переломом. Три недели. Без гипса. На лечение уйдет вся зарплата, а здоровье ей будет уже не поправить. Из-за тебя.

Услышав, как Демон уверенно описывает будущее, мужчина, кажется, окончательно потерял рассудок. Он пошарил у себя в кармане и достал нож. Демон на миг пожалел, что не позволил грабителю умереть. «Следовало бы избавить мир от такого подонка», – подумал он.

– Заткнись, если жить не надоело! Да кто ты такой, вообще?

– Не хотелось бы спасать ничтожество вроде тебя, но что поделать, это побочный эффект вмешательства в человеческую жизнь. Живи. Но не думай, что тебе удастся избежать наказания. Даже после смерти тебе придется искупать свои грехи. И все же... Око за око, зуб за зуб... Таков мой метод. Будет немного больно. Придется потерпеть.

– А-а!

Легким движением глаз Демон ломал ему пальцы по одному. Вор кричал от боли, но это было ничто по сравнению с той трагедией, которая могла произойти по его вине. Мимо них проехал автобус с Ынтхак. Аварии не случилось, все было спокойно.

Если бы у него ничего не получилось, его жизнь снова стала бы для него наказанием. Демон облегченно выдохнул. Жизнь, которую он только что едва не потерял, снова пошла своим чередом. Ынтхак была его новым смыслом жизни.

На остановке неподалеку от предполагаемого места аварии столпились мрачные жнецы. Сегодня должно было умереть много людей. Автобус подъехал к остановке, и девушка, сидевшая у окна, заприметила в толпе знакомое лицо и помахала Мрачному Жнецу. Это была Ынтхак. Жнецы удивились, что она их видит, несмотря на шляпы. Сошлись на том, что такое возможно, когда человек встречается со смертью. Но то, что один из них помахал девушке в ответ, показалось им совсем уж странным.

– Погодите, выходит, в автобусе на одного человека больше? Разве не все они должны умереть? И что нам делать с этой девушкой?

Жнецы заворчали: что-то тут нечисто. Вздохнув, Мрачный Жнец сказал:

– Аварии сегодня не будет. Ложная тревога.

Автобус тронулся, отъезжая от остановки. Как раз в этот момент должна была произойти авария. Удивленные жнецы стояли и смотрели на дорогу. Автобус должен был остаться здесь, однако он неторопливо отправлялся вдаль.

– Сейчас ведь должна произойти авария! Время подходит.

Такое количество беглых душ за один раз? Невероятное чудо. Растерянные жнецы разбрелись по обочине дороги, и только наш Мрачный Жнец, нахмутив брови, сохранял самообладание. Очевидно, что здесь не обошлось без Демона. Почувствовав на себе пристальный взгляд, Жнец увидел на противоположной стороне дороги его самого. Если Демона заметят остальные, начнется переполох. Как же тяжело работать в таких условиях.

Мрачный Жнец и Демон сидели в Чайном доме друг напротив друга. Все случилось именно так, как Жнец предположил, увидев Демона возле остановки. Оба были недовольны друг другом, и в воздухе повисло напряжение.

– Почему не сказал?

– А почему ты все время вмешиваешься?

– Ынтхак могла умереть сегодня.

Мрачный Жнец понимал его, но не мог переходить границы дозволенного.

– Если такова ее судьба, ничего не поделаешь.

– Кто сказал? Единственное, что мне неподвластно, – это моя смерть. Может, мне ради спасения Ынтхак теперь вмешиваться в каждую человеческую жизнь?

Глядя на упрямого Демона, который заявился к нему прямо на работу, Мрачный Жнец почувствовал себя в ловушке. Если бы он знал заранее, что в том автобусе будет Ынтхак, то, наверное, тоже захотел бы предотвратить аварию. Несмотря на свою работу, он, скорее всего, не смог бы отнестись к известию о ее смерти равнодушно.

– Я тоже не знал. На нее не приходила карточка, ее ведь нет в списках.

– Ты все еще не передал документы о ней?

– Не пойми меня неправильно. Я уже девятнадцать лет с ней вожусь, ну сколько можно? Надоело.

Это была лишь отговорка, оба они знали, что он делает это ради Демона и Ынтхака. Демон взял себя в руки и поборол досаду. Он загадал, что вместе они проживут еще восемьдесят лет, но уже на следующее утро Ынтхак едва не умерла. Не подозревая о том, какая участь ее ждет, Ынтхак весело улыбалась и махала рукой из окна автобуса. Если бы та авария случилась... От одной этой мысли у Демона земля уходила из-под ног. Он не мог представить жизнь без нее. Он не мог вспомнить, как жил без нее, не мог представить, что ее не станет, не мог представить, что будет, если ее не станет.

– Но, как ни посмотри, в этой аварии было что-то странное. Я предвидел ее. Но Ынтхак там не было. В этой аварии она бы погибла. Но ведь раньше я видел, какой она будет через десять лет.

– Этой аварии не было в ее судьбе. Ынтхак стала фактором, который все изменил, – невозмутимо объяснял Мрачный Жнец, прибавив вдруг с раздражением: – Потому что было понятно, что ты ее спасешь!

Демон кивнул в ответ, как будто все понимая.

– Бывает, что людей притягивает к месту, где возникает сильная энергия смерти, даже если изначально в их судьбе смерть назначена на другой срок. Из-за тебя и Ынтхака люди, которые должны были умереть, остались живы. Ты нам столько работы прибавил!

Именно поэтому Жнец и злился. Ему и одной беглой души более чем достаточно. До сих пор у него было всего две, теперь же – несколько десятков. А мрачные жнецы, собравшиеся на месте неслучившейся аварии, будут ломать голову, пытаясь найти объяснение чуду.

Взглянув на тоскливое лицо Мрачного Жнеца, Демон наконец вспомнил о чувстве такта и удалился.

Демон беспокоился, что после собеседования ничего не зная о случившемся Ынтхак снова сядет в автобус. Он подъехал к воротам университета на автомобиле и ждал ее там. Ынтхак встретила его улыбкой. Она была так хороша, когда улыбалась, что у него потеплело на душе. Какое счастье, что ему удалось ее спасти. Он в очередной раз осознал, насколько она была важна для него. Застегивая ремень безопасности, Ынтхак хитро улыбнулась:

– За мной приехали? Вот так сюрприз!

– Да что-то захотелось прогуляться после обеда.

– Ой, да ну, вы же за меня беспокоились, знаю я вас. О, а это что такое? Носки? – спросила она, увидев гору носков на заднем сиденье.

– Это десять или двадцать лет жизни для тех, кого я сегодня спас.

– А, поняла! Вы решили приторговывать носками, чтобы меня обеспечить? Потому что я спрашивала вас о работе?

Вот ведь девчонка, никогда не знаешь, что она выдаст в следующий раз. Еле сдерживая смех, Демон завел автомобиль и взялся за руль.

– Будешь помогать?

Неплохо было бы состариться вместе и торговать носками. Но как бы он того ни желал, не быть им милой пожилой парой: он не старел, а значит, однажды ему придется стать ее сыном, а потом внуком. Смешно, нелепо, но Демону отчаянно хотелось, чтобы этот момент когда-нибудь настал.

– Конечно! Собеседований больше не будет, так что у меня куча времени, чтобы о вас позаботиться.

– Интересно, каким это образом?

Догадайся Демон, как именно она собралась о нем заботиться, отказался бы сразу. Узнав, что вытащить меч не так-то просто, Ынтхак решила качать руки, и теперь она ходила по террасе, размахивая гантелями. Увидев это, Демон невольно вздохнул:

– Ты только не переусердствуй.

Не подозревая о сложных чувствах, которые его терзали, Ынтхак обиделась, что он ее не подбадривает. Демон не мог сказать прямо: «Я не хочу, чтобы ты вытаскивала этот меч», поэтому ему пришлось просто промолчать.

Между ними пролетела бабочка. Бабочка в такие холода, да еще в доме? Демон недобро прищурился.

– Можешь ненадолго выйти? Мне надо кое с кем поговорить.

На террасе они были одни, и Ынтхак удивилась: с кем он хочет поговорить? Однако другого объяснения он не предоставил и подтолкнул ее к выходу. Не желая спорить, она ушла в гостиную.

Когда девушка вышла, Демон кинулся к бабочке и попытался ее поймать. Бабочка, порхая, ускользала. Как всегда, Бог был так близко и одновременно так далеко.

– Может, снизойдешь до меня на минутку? Разве я не заслужил прощения? Что, раздражает, когда я чему-то радуюсь? А будущее зачем тогда показываешь? Чтобы я ничего не мог сделать? Думаешь, я приму это решение? Ну уж нет. Ни за что.

Не внемля жалобам, бабочка летала вокруг Демона, но в руки не давалась. Да сколько можно!

– Спускайся, поговорим лицом к лицу!

У Ынтхак глаза на лоб полезли от удивления: Демон ходил туда-сюда и ругался сам с собой. Вроде бы не сумасшедший. Может, это так на него то столкновение с грузовиком подействовало? Какое-то время Ынтхак украдкой наблюдала за ним, а потом, когда он побрел в гостиную, притворилась, что ничего не видела, уставившись в другую сторону. Она надеялась, что он уйдет, но он, наоборот, направился прямо к ней.

– Я не подсматривала, честное слово...

Взгляд Ынтхак заметался. А Демон подумал, что если у кого глаза большие и светлые, так это у нее.

– Не нравится мне это все... Полюбить тебя... – Неожиданно жалоба превратилась в признание. – Это самое глупое, что я мог сделать.

Изумленная Ынтхак аж икнула.

– Что это вы такое говорите?

– Не расслышала – и ладно.

– Все я расслышала.

– Вот и прекрасно.

Он занимал в ее сердце все больше места. Ее чувства больше не были односторонними. Они стали взаимными.

Глава 4

Молитва

Приближался Новый год, и на улицах повсюду мерцали разноцветные огоньки. Мрачный Жнец радовался, что может идти по нарядным улицам вместе с Санни.

Санни тоже была рада его видеть, хотя он всегда заставлял ее понервничать: то не отвечал на звонки, то вдруг заявлялся без предупреждения. На этот раз он позвонил ей первым, и это радовало еще больше.

- Удивлена, что вы позвонили первым. К тому же десять раз подряд.
- Я хотел вам кое-что сказать, но задержался на работе.
- Видимо, что-то очень важное?
- Да. Вы спрашивали про религию. Я неверующий.

Ответ прозвучал неожиданно для Санни. Она остановилась и взглянула на Жнеца своими большими сияющими глазами. Его красивое, белое, точно снег, лицо не изменило своего выражения. Санни вспомнила, о чем спрашивала в прошлую встречу, желая побольше узнать о нем. Она заверила, что готовиться к встрече совершенно не обязательно, но вот он перед ней с заготовленным заранее ответом. Непонятно, правда, что в этом вопросе такого, к чему надо было готовиться.

- И для этого вы звонили десять раз?
- Мне не терпелось рассказать вам.
- Какой вы милый! – звонко рассмеялась Санни.

Впервые кто-то назвал его милым, что, конечно, неудивительно при его профессии. Ему понравилось, как это звучит – как комплимент. Он растерянно переспросил:

- Вы говорите, что я милый?
- А вы не знали? Другие девушки вам об этом не говорили?
- У меня не было других...

Санни удивилась, но тут же попросила, чтобы он не вздумал и это «подготавливать». Она в самом деле боялась, что он снова воспримет ее слова буквально. Девушка еще несколько раз переспросила, правильно ли он ее понял, а он кивал, нежно улыбаясь ей в ответ. Таким он показался ей еще милее, отчего она совсем развеселилась.

- А вы, часом, не ловелас? Расскажите о себе, только честно! Я тоже скажу все как есть.
- Что вы хотите спросить?

– Мое настоящее имя совсем короткое. У моих родителей было не так уж много денег, но они заплатили гадалке, чтобы она подобрала мне хорошее имя. Она сказала, что меня непременно надо назвать Ким Сон. Но мне больше нравится имя Санни: с ним я как будто сияю ярче.

Жнец рассеянно посмотрел на Санни. Она сияла ярче всех в мире, притягивая его взгляд. Имя Санни ей прекрасно подходило.

– Меня раньше так раздражало это имя – Ким Сон. От него веет какой-то трагедией из прошлого.

Он хотел сказать, что Ким Сон – тоже красивое имя, но Санни, слегка улыбнувшись, продолжила:

– А какое у вас настоящее имя? Вас ведь не Ким Убин зовут, я знаю. Я не буду смеяться, даже если оно дурацкое и совсем вам не подходит. Расскажите мне?

На этот раз ей действительно хотелось услышать ответ. Жнец бы с радостью сообщил ей свое имя, но, увы, он и сам его не знал. Он задумался, что сказать, как вдруг почувствовал острую боль в груди и схватился за сердце. Даже сияние Санни померкло для него в этот момент. Девушка встревоженно спросила, что случилось, но он не понимал, откуда взялась эта боль, поэтому ответить ему было нечего. Он едва мог дышать и все же успел подумать, что в этой боли было что-то странное, что-то неправильное. Жнец не мог объяснить, что с ним происходит. Он не хотел, чтобы Санни видела его таким, и тем более не хотел применять свои способности на ней, но выбора не было. Он посмотрел ей в глаза:

– Вы меня сегодня не видели. Простите, что не провожаю. Повернитесь ко мне спиной и идите домой.

Эта нарядная улица, украшенная гирляндами, эта девушка, пробормотавшая: «Какой вы милый», ее очаровательная улыбка – все это останется только в его памяти. С тоской на душе он опустился на землю, продолжая держаться за сердце. Повинуясь его приказу, Санни уходила все дальше и дальше.

Вернувшись домой, Мрачный Жнец подошел к столу Демона и замер, глядя на свиток. Боль как будто притягивала его к этому портрету.

– Что-то пошло не так. Наверное, все началось с тебя...

Он долго смотрел на рисунок, но по-прежнему не мог ничего вспомнить. В расстроенных чувствах он направился в гостиную, где встретил Ынтхак.

Видимо, она ждала Демона: он ушел, не сказав куда. Ынтхак давно хотела кое-что спросить у Мрачного Жнеца и вот наконец решилась. Даже хорошо, что Демона нет. У нее было ощущение, что этот вопрос лучше задать именно сейчас.

– Я хотела кое-что спросить...

Ынтхак села напротив Жнеца, и атмосфера в комнате моментально сгустилась. Начать было трудно еще и потому, что она не до конца понимала, что именно ее интересует. Несколько фраз, которые обронил Демон, озадачили ее.

– Кое-что кажется мне странным. Вы ведь знаете про меч. Что произойдет, когда я его вытащу? Он все говорит, что уедет куда-то. Но куда?

Он сказал, что уедет очень далеко – должен будет уехать, когда она вытащит меч. Но теперь, когда он признался ей в любви, может, ему не обязательно уезжать? Это Ынтхак и хотела узнать. Мрачный Жнец поднял на нее удивленный взгляд.

Тем, кто сопровождал его в далеких чужих землях, Демон установил надгробия, а зимой, когда оказывался в Корее, отдавал дань памяти своим родственникам и тем, кто умер, защищая его. Чужие смерти преследовали его, но у череды смертей было начало: те, кого он любил больше всего, кому он больше всего доверял, умерли в один день.

Он приходил в буддистский храм, расположенный высоко в горах, и зажигал воздушные фонари. В такие дни его всегда сопровождал кто-нибудь из клана Ю. На этот раз была очередь

Докхва. Он взглянул на лес, темнеющий в горах, затем на Демона, сидевшего в храме с кистью в руке. Тот аккуратно писал чьи-то имена. Лицо его было сосредоточенно.

##

«Ким Сон», – не отрывая кисти от бумаги, Демон начертил имя своей погибшей сестры. Он крепко сжал губы, стараясь не заплакать. Но на глазах все равно выступили слезы.

##

«Ван Ё», – в каждую черту, что составляли имя его государя, он вкладывал свой гнев и тоску.

Написав имена тех, кого он любил и кем дорожил, он запустил фонарь в небо. Имена Ким Сон и Ван Ё полетели вверх.

Дорога домой после обряда всегда давалась ему тяжело. Даже через сотни лет клубок чувств в его душе не распутался. Оставшись один, он отгонял от себя тяжелые мысли. Его жизнь была его наказанием, и одиночество, будто трясина, утягивало на дно. Поравнявшись с книжным магазином, он подумал об Ынтхак, которая сегодня наверняка уже проходила этой дорогой, и почувствовал, что у него есть возможность вырваться из трясины. Сегодня, в этот пасмурный вечер, когда он зажигал фонари, не хлынул ливень, и это уже было неплохим знаком.

Ему захотелось поскорее вернуться домой, к Ынтхак. Он зашел в книжный магазин. Все это время он не осознавал своих чувств, а теперь они стали очевидны и он начал сомневаться. Похоже, все было предрешено заранее, еще до того, как он сделал свой выбор. С самой первой их встречи его душа стремилась к Ынтхак, стремилась полюбить ее.

– Ты моя жизнь. И ты моя смерть. Я люблю тебя. Я прошу дозволения у высших сил, чтобы ты не узнала мой секрет. Ни через день. Ни через сто лет.

Демон мечтал прожить еще сто лет с ней вместе. Его дневник не был завещанием, он просто отмечал в нем, что прожил еще один день.

С легкой улыбкой он открыл дверь, собираясь выйти, как вдруг позади него послышался стук чьих-то каблуков. Стройные ряды книжных шкафов поднялись в воздух. Шкафы стали перемещаться, повинаясь чей-то воле, книги попадали на пол. Один из них преградил ему путь. Демон ринулся в другую сторону, но и там перед ним возник книжный шкаф. Оказавшись в замкнутом пространстве, он слушал, как приближаются шаги.

Пространство между шкафами разделилось пополам, став границей между реальностью и иным миром. В ореоле пронзительно-яркого света к нему вышла Самсин, с длинными черными волосами, одетая очень модно и современно.

– Ты ведь знаешь, кто я?

Она взяла одну из книг, зависших в воздухе, и бросила ее Демону. Поймав книгу, он недовольно ответил:

– Если не планируешь покупать книгу, лучше вернуть ее на место. Владелец этой книжной лавки – человек сварливый.

– Нам надо поговорить. Ты не спешишь?

– Можно ближе к делу? У меня сейчас нет настроения разговаривать с божествами.

В глазах Самсин мелькнуло беспокойство.

– Скорее вытащи этот меч. Вытащи меч и уйди в Ничто.

Лицо Демона ожесточилось. Нет, все эти боги ему определенно не нравились, они его раздражали.

– Появляешься ни с того ни с сего и просишь умереть. Хоть бы причину назвала...

– Ты уже достаточно пожил, а она – нет. Я была так счастлива, когда благословила ее рождение. Теперь тебе нужно принять решение.

– Какая ирония. Какого решения ты ждешь от меня? Когда я, Ким Син, родился, разве не ты меня благословила? Разве я не твое творение?

Самсин смотрела на него и слушала, как он язвит, и ей стало еще грустнее. Он прожил целых девятьсот тридцать девять лет, но по-прежнему был для нее ребенком. Ким Син – дитя, которое она когда-то благословила.

– Потому я и говорю с тобой. Ты должен сделать это ради Ким Сина, которого я благословила. Это ведь то, чего ты хочешь.

– Чего я хочу?

– Ты хочешь, чтобы она жила. Если ты не уйдешь в Ничто, Ынтхак умрет.

– Чжи Ынтхак умрет, – повторила Самсин. Слова не укладывались у него в голове, он просто поднял голову и смотрел на Самсин. Девушка едва не умерла в прошлый раз. Даже вспоминать об этом было пыткой.

Он ведь только недавно обрел желание жить, жить вместе с Ынтхак. Он не просил многого. Он нес свое наказание уже почти тысячу лет, и неужели ему нельзя хотя бы десятую часть этого времени провести с ней? Увы, даже это ему запрещали. Чтобы жил один, другой должен умереть.

– Она родилась для того, чтобы вытащить этот меч. Нет, это ты наделил ее такой судьбой. Если она не исполнит свое предназначение, в ее существовании не будет смысла. Если она не вытащит меч, то так и будет постоянно сталкиваться со смертью. Это ведь уже началось?

В голове Демона пронеслись все те ситуации, когда Ынтхак находилась на грани между жизнью и смертью. Она могла погибнуть в тот день, когда ее похитили коллекторы, а потом этот автобус... Если бы Демон не вмешался, Ынтхак была бы мертва.

– Дальше будет хуже. Катастрофы будут случаться все чаще и станут страшнее. Ты ведь едва не убил ее. Собственными руками.

Он оттолкнул ее, когда она пыталась вытащить меч. Он сам подверг ее опасности. Демон в смятении молчал, но Самсин была непреклонна: иного выхода нет, она должна предотвратить худший исход.

У Демона тряслись руки, глаза покраснели. Он неотрывно смотрел на Самсин. Повисшие в воздухе книги разом упали на пол. Видимо, его жизнь должна быть трагедией от начала и до конца. Самсин исчезла, он остался один, и из глаз его потекли слезы.

«Ты моя жизнь. И ты моя смерть. Я люблю тебя. Я прошу дозволения у высших сил, чтобы ты не узнала мой секрет. Ни через день. Ни через сто лет».

Он молил об этом.

«Когда-нибудь, через сотню лет, в один прекрасный день, надеюсь, я смогу сказать ей, что она моя первая любовь».

Но высшие силы отвергли его. От этого ему стало совсем горько.

Тем временем Ынтхак плакала, сидя напротив Мрачного Жнеца. Она не могла поверить его словам. Не могла поверить, не хотела верить, ни за что, ни за что. Наконец Ынтхак узнала всю правду, и это выбило почву у нее из-под ног. Не подозревая ни о чем, она обещала Демону, что вытащит меч, предвкушала этот момент. Теперь ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Если я вытащу этот меч, он умрет. Его не станет. Он исчезнет из этого мира навсегда.

Ее предназначение заключалось в том, чтобы быть невестой демона, инструментом, который прекратит его бессмертное существование. Она так радовалась своей судьбе, а его судьба вела к небытию. Это было невыносимо, только слезы немного облегчали боль. Каждое слово ножом вонзалось в сердце. Даже когда он сказал, что она не представляет для него никакой практической ценности, было не так больно. Сейчас она ненавидела всем сердцем. Ненавидела его, Ким Сина.

Поблагодарив Жнеца за то, что он все ей рассказал, она быстро попрощалась, ушла к себе и решительно достала свою большую сумку. Слезы не останавливались, застилала ей глаза. Она вытерла их тыльной стороной ладони и, крепко стиснув зубы, заставила себя успокоиться. Нужно прийти в себя, собрать вещи и уходить отсюда. Как можно дальше от Демона. Раньше

она специально зажигала свечи, чтобы быть к нему ближе, а теперь, желая уйти от своей судьбы, которая так тесно переплеталась с судьбой Демона, торопливо запихивала в сумку школьную форму, одежду, книги и другие вещи, которые ей понадобятся. Даже звук застегивающейся молнии причинял боль.

– Похоже, и здесь я не буду дома. Видно, не судьба мне найти свой дом.

Глаза снова наполнились слезами, и Ынтхак задержала дыхание. Всю свою жизнь она была одна. Лишь несколько месяцев провела она в этом доме, но в конечном счете для нее ничего не изменилось. Она просто привыкнет к одиночеству снова, вот и все.

Ей хотелось так думать, но, когда она шла к Санни, собираясь уволиться, на глаза снова нахлынули слезы. Погода стояла мрачная. Небо затягивало огромными тучами, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

Когда Ынтхак пришла к ней в этот хмурый, угрюмый вечер и ни с того ни с сего заявила, что хочет уволиться, Санни, конечно, страшно огорчилась. Она восхищалась Ынтхак, которая даже в самые тяжелые времена оставалась решительной и сильной. С девочкой то и дело что-то приключалось. Санни забеспокоилась: что произошло на этот раз, отчего она такая заплаканная? Окинув девушку взглядом и оценив ее растрепанный вид, Санни тихо прицокнула языком. Она злилась на все то, что причиняет Ынтхак столько бед.

– Что, проблемы с мужчиной? Рассталась с ним?

– Сейчас – да. Но как вы узнали?

Большая сумка с вещами, глаза, опухшие от слез, телефон звонит, но она не берет трубку... Догадаться было нетрудно. Должно быть, это тот мужчина, за которого девочка внезапно собралась замуж. Санни собрала все, какие нашлись, деньги и вручила Ынтхак, назвав это выходным пособием.

– Чтобы ты не ходила голодной.

– Спасибо. Когда все уладится, я вас навещу.

Ынтхак была ей так благодарна, что у нее снова покраснели глаза. На самом деле ей не хотелось оставаться одной. К одиночеству никак не получалось привыкнуть. Но иного выхода не было, нужно было уходить. Она ненавидела человека, который заставил ее покинуть этот уютный мир, появившийся у нее совсем недавно. А, точно, он ведь даже не человек. Она ненавидела Демона, печального и прекрасного, из-за которого ей пришлось все бросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.